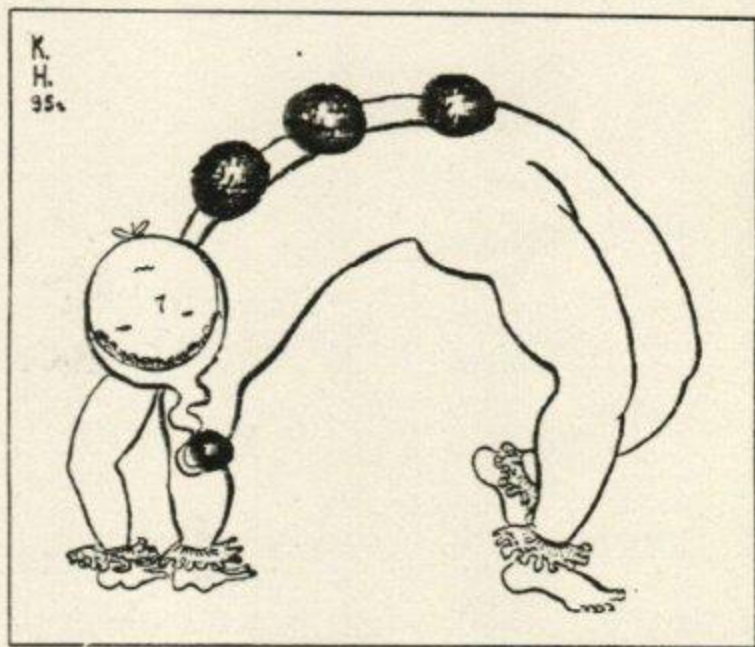

КОММЕНТАРИИ

6
1995

КОММЕНТАРИИ

журнал для читателя

6

1995

МАСО "МЕДАСО"

Москва - Ст.-Петербург

РЕДАКЦИЯ:

Александр ДАВЫДОВ (главный редактор)

Ольга АБРАМОВИЧ

Аркадий ДРАГОМОЩЕНКО

Елена НАЛИВАЙКО

Алексей ТУМАНСКИЙ (отв. секретарь)

Александр ХОЛОПОВ (художник)

Ответственный за номер - А. Драгомощенко

*Рукописи объемом более одной страницы
не рецензируются, не возвращаются и не читаются*

С мнениями авторов редакция не согласна

*Все ссылки, цитаты, утверждения
полностью на совести авторов*

Обложка: Ксения Нечитайло "Июнь (времена года)". 48 х 63, п.,
тушь.

ISBN 5-85-677-003-X

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДИМИР АМБРОСИМОВ. Мутация "дельфин"...	3
АНДРЕЙ ЛЕВКИН. Клоуны, тварь, et c.	16
ДИЛАН ТОМАС. Поэзия	29
РОЛАН БАРТ. Фрагменты любовной речи, <i>перевод с франц. В. Лапицкого</i>	38
АЛЕКСАНДР СКИДАН. Эфирная маска	60
ВИКТОР СОСНОРА. Александрийцы	89
ЛАРИСА БАРАХТИНА. Стихи	110
РОЛАН БАРТ. Фрагменты любовной речи, <i>перевод с франц. В. Лапицкого</i>	115
ЕЛИЗАВЕТА МНАЦАКАНОВА. Стихи	140
АРКАДИЙ ДРАГОМОЩЕНКО. Холоднее льда, тверже камня	150
ПОЛЬ ВИРИЛЬО. Бог, кибервойна и ТВ <i>перевод с англ. А. Скидана</i>	208
ВАЛЕРИЙ САВЧУК. Компьютерная реальность архаического	219
АЛЕКСЕЙ КУРБАНОВСКИЙ. Крыла и смерти уравнение	235

ВИКТОР СОСНОРА

АЛЕКСАНДРИЙЦЫ

Как предание говорит, прежде Евы была Лилит. Прежде Евы Лилит была, та, что яблоки не рвала. Не женой была, не женой, стороной прошла, стороной. Никогда не вернется Лилит, но забыть себя не велит.

В.Ш.¹

Первая буква русского алфавита АЗ.

АЗ — это Я. Вторая буква — БУКИ — БУКВЫ.

Я — буквы.

Поэтика — это Я, жизнь (Vital) букв.

Я — Буквы, Я — ЖИЗНЬ БУКВ.

1. АКСИОМЫ

Не зная Азбуки, я жестикулирую и говорю громко: ЮЮ, КУКУ, МЯУ, ШШ, ГАУ-ГАУ, ЧИВ-ЧИВ, это я подслушал у животных. Шире шаг! — я могу петь, как пингвин и кричать ай-ай-ай — как шакал. Я могу приказывать ногой и водить рукой по женским бедрам. Элегантно; но это мимика. Я могу говорить УУ, пугая бронтозавра. Я могу высовывать язык до пояса и бить со звоном в натянутую кожу, — это бой, к бою, барабан. Одним словом, я могу жить эгоценно, как видим, но писать никак. Язык, высунутый до пояса — хороший перформанс, но он не означает ни ораторского искусства, ни красноречия, ни галлиямба. Я нечленоразделен, мои понятия однозначны. Язык образуется только у тех, кто изучил алфавит. Аксиома первая.

Я изучил алфавит и могу рисовать каждую букву в отдельности. Мне страшно хочется писать слова, но я не знаю, как. Я пишу

¹ Вадим Шефнер.

АВС рядышком, но чувствую, что это не слово. Никто таких слов не говорит. Я ишу учителя, и он объясняет мне, как составлять слова. Но слов самих по себе мне недостаточно, они только фиксируют предметы: мама, труба, топор, мамонт, яма, огонь. Или движения: ем, пью, иду, плюю, целую. Я пытаюсь описать свои действия, получается: я ем мама, я иду яма, я плюю мясо, я пью топор, я целую костер. Нереально. Мрачно. Можно ошибиться и напутать, и мне за такие слова попадет от современников. Я пишу про дом: избушк уж привык². Нежно, но это по-немецки. Расстроенный, я иду к учителю, и он объясняет мне грамматические правила. Без грамматики нет освоения речи. Аксиома вторая.

Я умею говорить, непринужденно. Я держу перо тремя пальцами руки. Я говорю во все горло и пишу короткими и длинными фразами. Я могу читать книги о рыбной ловле и охоте на моржей, о девонском периоде и об архитектуре пещеры с встроеным унитазом. Я читаю книги Гиннеса, о военно-промышленном комплексе и о социализме с человеческим лицом. Я читаю о СПИДЕ и о позах в секс-салонах. Но душа моя кипучая, мозги настоящие, с изгибом, а ноги при ходьбе и сидя поют до-ре-ми (и ля!). Мне говорят, что в таких случаях пишут стихи, волнующие. Мне хочется писать стихи, но я не знаю, как, и нигде не могу их достать. Если я не посмотрю или не услышу хоть одно стихотворение, моя энергия уйдет в другое применение: я стану капитаном государственной безопасности, доктором филологических наук, мастером по стрижке женских волос, политическим комментатором на ТВ, президентом акционерного общества МММ, директором налогового управления, или даже может быть — начальником железнодорожной станции Мшинская. Это должности грамматические, но не литературные. Поэтом я не стану. Не прочитав и не услышав ни одного стихотворения, никто не может быть поэтом. Аксиома третья.

Я прочитал первую книгу стихотворений. Вздуроражен мой организм. Автор с фамилией. Пишет понятно, ритм один и тот же, рифмы чередуются крест накрест. Он пишет про перестройку, гласность, реформы, о том, что Родина слышит, Родина знает, про подмосковные вечера и про то, хотят ли русские войны (не хотят!), и про космический корабль Восторг-1 и Восторг-999. Замечательно! Я тоже пишу про все это такие же стихи. Я — поэт! К тому же он Лауреат. Я тоже хочу таким. Есть ли еще авторы? На всякий случай я читаю книги не менее значительных мастеров. И у них ритмично, и у них в рифму. Достаточно, думаю я, и пишу, и пишу. И печатаю, и

² Рейнер Мария Рильке писал стихи по-русски. Это его строка.

получаю гонорары, и на них ем ши со свиной, бублики, пирожки с морковью, и пью вино Портвейн-777. Ко мне идет слава в газетах и за ней идут женщины без трусов, с высоким задом и толстыми ногами, как киноартистки. Я страстно жму все груди этих женщин и люблю я, усталый, прилечь с ними. Потом я печатаю книги одна за одной и покупаю ботинки с подошвой, и строю дачу на Мшинской (станции). Потом я покупаю видеоманитофон, факс и одноразовые шприцы. Аксиома четвертая: если читать книги авторов с фамилией и больше ничего не читать — получишь много мисок, скафандр, твердокопченую колбасу и даже пост главного редактора Академии русского стиха, то есть то, о чем можно мечтать в жизни.

Но мой дар не низкий, а высокий. Я езжу за границу, в Москву, я иду в Библиотеку Поэта и читаю тысячи ночей тома поэтов-международников, эти пишут по разному и сильно библейки, рильки, лорки, элюарки. Я пишу как они, и может быть, сильнее: нет, сила в том, чтоб дуб пылал! глаголом жми сердца лютей! но есть же Божий Суп, наперсточка разврата! я знаю — истина в войне! я на всем, что с телом ставлю тигиль! я — дот, кого не беспокоют! мне на шерри бросается век-волкодав! я буду шить, как сарафан — биде!³ Опустошив полки поэтов, я сталкиваюсь с полной неожиданностью: оказывается, есть книги по теории стихосложения. Я изучаю. Изучив теории и написав по всем образцам, я выдыхаюсь и писать не могу. Не о чем. Все написано до меня, виртуозами. Я оставляю аксиомы автору этой статьи и писать не буду. Вариантов нет.

Варианты есть. И тут мы подходим к притче о Лилит. Перво-человеку огонь обязателен: после грома и града Адам берет спичку, зажигает дрова, накаляет скалу и сушит спину. Потом тушит огонь. Хочется сладкого, калорий, белков и аминокислот — берет мамонта с полей, рубит ляжку и ест бифштекс с костра, с кровью. Это потом в Раю появляется Бог-Фрейд и дает Адаму ребро. Ева — инструмент человека. А пока не потушен костер, из огня возникает Лилит. Не выпрыгнутая из костра, а сама огненная, женщина огонь, кислород, O₂, горит, Адам смотрит на Лилит всеми глазами и любит. Адам ходит вокруг да около, с развитыми членами, мясо, кость, лимфа. Ступит шаг — палит, любит Лилит — сгорит. Сердце стучит: обнимет Лилит и будет он кто? — испеленный. От жизни будет одно жжение. Или я возьму Лилит и сожгу судьбу, или я найду Еву, фаршированную яблоками. Я выбираю Еву. Я жертвую ребром и беру Еву,

³ Наш поэт очень индивидуально читает строки: Державин, Пушкин, Лермонтов, Блок, Маяковский, Хлебников, Мандельштам, В.С.

социологично, а Лилит обойду стороной. Я хочу рожать не жар, а эмбрионально.

Греки логоса "Ева" не знали. Эта подруга Змия появилась спустя 4 тысячелетия. Сафо, горя огнем, сожгла великого Алкея и бросилась со скалы в Эгейское море, чтоб погасить себя. Она прославилась необычайной любовью к мужчинам и девочкам, сожгла их всех, как поленья, изобретает сапфическую строфу и стих. Алкей изобрел строфу Алкея, в огонь пошел легко и жил счастливо. Еще он сражался мечом, как мужчина. Еще он устраивал заговоры и революции, жил на острове Лесбос среди лесбиянок. Милое место для поэта, александрийца. Убит в бою.

Эмпедокл, потомок богов и царей, отказался от того и другого титула, любил жриц и пифий, факельных. Пишет поэму, как в космосе среди звезд и планет, астероидов и огненных колесниц летают в беспорядке руки, ноги, части черепов, кишки, позвоночники, локти, скелеты, жилы, аорты, волосы, усы, половые органы, печень, грудные клетки, уши, глазные яблоки (он в подробностях описывает анатомические детали) и методом проб и столкновений, часто оппобаясь, в конце концов соединяются в человеческие тела. Но почему-то не идут на Землю, а куда... не говорит. Эмпедокл огнепоклонник, жил один с двумя чашами — вина и наркотиков, ходил и ездил всюду, мастер колесниц и коней. Бросился в вулкан, в Этну, в кипящую огнями лаву.

Гомер открытыми очами смотрел на солнце: ослеп. Ослепнув, написал Илиаду и Одиссею, населив навсегда Землю и Мироздание героями и богами. Гомер — энциклопедия прообразов всей мировой поэтики. Те, о ком я пишу, — александрийцы. Их много, вообще-то, но мы об избранных.

2. МЕТРИКА

Поэтика — это метрика. Не музыка, не будешь же читать стихи и держать в зубах кларнет-пистон. Для чтения нужен открытый рот, а не сжатый. Чтецы-поэты исполняли себя под кифару: рот свободный, звуковой, а руки заняты, отмечая ритм (оттеняя) струнами. Партитура стиха сложнее музыкальной фразы. Это греки, мелодекламация. Не певцы, кифара — вспомогательный инструмент, так сценичной, на публику, амфитеатр. Ни Архилох, ни Пиндар, ни Коринна никогда не стояли на состязаниях поэтов без кифары. Но это и называлось "состязания поэтов". Не кифаредов. Кифареды выступали с пением, голосовым, виртуозы.

Александрийская школа поэтов изучала метрику, скандирование, речитатив, клаузулу и поверхностно кифару. Эта школа дала миру сложнейшие и тончайшие узоры ритма: ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест, спондей, прокелевзматик, 5 пеанов, бакхий (анти и палим), амфимакр, молосс, ионик восходящий и нисходящий, антиспаст, хориямб, 4 эпитритатрибрахий, диспонец, дохмий, — я называю главные. Учила и комплексному стиху, и строфике. Они понимали и значение графики, выделение из текста разными буквами (курсивы, нестандартные шрифты) или же рисование всего стихотворения в форме голубя, орла, фонтана, розы, акрополя, или же деревьев (орех, фига, платан). Есть поэмы о битвах, нарисованные шрифтами в форме сражений с отдельной фиксацией коней, голпшитов, оружейного арсенала и даже с пейзажем: водопады, скалы, пикирующие боги, как бомбардировщики.

Это отпало у римлян. Латынь отказалась от полигамии искусств, от трагедии, от поэтических фестивалей, исчезли мистерии, греческие ритмы переименовываются в кокетливые гексаметры, поэты ставятся кифаредами на сцену, и не декламируют, а поют в цирках, аккомпанируя боям гладиаторов. Но латынь, но век Катулла — антиказармы, сарказм, издевка, идиомы, сленг, шалости. Катулл тянется к вину (фалерн!), к Лесбии (этих лесбий у него не сосчитать!), бисексуален, антифилософичен. Катулл — чувственный, быстробегущий, римлянин, но потомок этрусков, он блистает греческим, переводит Каллимаха. Забавно, что книгу “безделок” он пишет редкостными размерами Александрии — фалехий, гликоней; изобретает галлиямб. Он отождествляет себя с Аттисом, сыном и любовником Кибелы, огнедышащей. В 30 лет после пиров и безумий, невероятного числа эротических походов, транжирств, Катулл оскопляет себя и уходит к Богине-Матери, в беспредельность.

Император Нерон — и то, и не то. Поэт, но провозглашает себя кифаредом. Прецедент, и нет аналогов в мировой истории: Нерон выступает в театре, в Неаполе, берет первые струны, играет и поет, и вдруг — землетрясение. Рушатся дома, статуи, взрываются водопроводные башни. Народ-театралы бегут из театра, ломая кости друг у друга, а Нерон — на сцене, спокоен, накрашенный, с золотыми блестками в волосах. Поэт — поет. Падают стены, кричат трупы, зажигается со звоном огонь, льются дожди и смола, купол летит прочь. Отметим-таки: стены, сложенные из гранитных глыб, катаются по партеру в земле от трясения щели и бездны, а Нерон поет среди носилок с раздавленными. Допето по статуту, подносит себе чашу вина, пьет, поворачивается на котурнах и выходит из театра. Нерон —

героический поэт, но ошибочный: писал прекрасные стихи, но на греческом, мало кому понятные, запретил переписывать их под страхом смерти, провозгласил себя певцом, но голос имел тонкий и сильный, на кифаре играл грубо. Он считал низостью издавать книги, не напечатал ни одной — поступок, не повторенный никем. Духовные достоинства Нерона выше всяких похвал, а ошибка-то пустяковая, но роковая — не напечатался, исчез — римлянин, координация не та⁴.

Александрия — это множественность богов, ритмов, идей-форм-энергий. Множественность жизней, Я. Кто-то сказал о них “огнецветные пляски”.

И самосожжение.

Христианство⁵ — это 1 Бог, 1 жизнь — Ему, 1 догма — черные одежды, 1 форма — первобытно-общинный строй, МЫ, 1 ритм — коленопреклонение, 1 идея — нищета, 1 энергия — сжигание всего, что не МЫ. Христиане сжигают александрийскую библиотеку. В средние века метрика забыта.

Но есть уголок во Франции: Сорбонна. Школяр Вийон, шумный, скандалист, пьющий, эллинист, вор и шулер, убивает в драке, пишет акростихи, стихи шифрованные, переносит слоги из строки в строку и комедиант — взор на мир, как на “исповедь” в тюрьме накануне казни. За пять часов до конца он-таки пишет “исповедь” — издевательскую поэму и кончает виселицей. К образу Вийона претензий нет. Гармоничен. Мало того, что и замечательно метричен, но изобретает тему: поэт и веревка. С изобретением пороха тему разнообразят пулей. Но это тавтология.

Итальянское Возрождение ничего не дает стиху: терцины, канцоны, сикстинны, сицилианы, триолеты, тернары, сонеты, ронд,

⁴ Он остался в Анналах как графоман и трус. Об Анналах: поэт синоним графомана, иначе б он не писал. Но трус... Редко поэты владеют стихом и умом. Нерон владел. Сжег Рим, грязный город, катакомбы, метрестрой, лачуги, сырость, вонь, кишачные вши, антисанитария, в окнах бычьих пузыри вместо стекол, деревянная гниль, извесь... Нерон этетик, любил красоту. Он запалил эти груды помоек и когда огонь поднялся и соединился с небесами, он так и сказал: какая красота! И в три года, тратя свои сбереженные миллиарды сестерциев, он строит новый Рим, чистый, мраморный, с садами, аренами, театрами, дорогами. Ничего, живут и сейчас в нероновском Риме итальянцы. А трус... Я даю образец гражданской доблести последнего часа: когда его колот книжалом раб, он воскликнул: Какой великий артист погибает! — о себе! На редкость — самооценка, императорская. Присоединимся.

⁵ Под этим словом здесь и дальше я подразумеваю административную религию. Но приветствую индивидуальную.

рондели и т.д. — о да, строфика дышит, но сентимент, маньеризм, упражнения, гитаризм, но метрические размеры в сущности те, новых нет. Лилит не горит.

Но Возрождение имеет аномалию: Данте. У него настоящий мрак, Ад; христианин казалось бы. Его круги Ада моральны. Но он изобрел новый итальянский язык. Его мрак — греческий, мощь, огонь повсюду. Сражался с гибеллинами, меченосец. В венец цветов окружает Беатриче, жену, вопреки ее многодетности; церковные штучки. Если ж на Данте смотреть прямо — строитель Ада. И Ватикан — смотрит. Морализация наизнанку. В Ватикане переполох: антихрист, иерарх Сатаны. Гудение огня соответствует буллам, а инженерия кругов — нет. Изгнан из Флоренции. Вознесся на Олимп в одиночку, без конфирмации.

Еще моралист, вельможа Гете. Интерпретатор Фауста, алхимик, археолог, анатом, тактик. Его космогонии — самый левый фланг эллинизма — к Эмпедоклу, абсурды и силы каббалы. Но жил непростительно долго и умер — в кабинете. На смертном одре лежал как неалександриец, а некто с министерским портфелем под головой. Вместо камня.

Его ученик Байрон — хромой, оратор, каинист и мифистифель, певец инцеста, лорд, боксер и пловец, изобретатель романа в стихах, байроновской строфы и байронизма. Бунт против 10 заповедей он поднял на высоту пьедестала. Как и учитель, космогонист. Отрицатель отрицания. Изгнан из Англии, символический вожь карбонариев в Италии, на собственные миллионы покупает оружие и политиков, возглавляет греческое восстание. Он уж шьет мундир короля Греции, первая примерка, но охваченный огнем, умирает — белая горячка. Байрон потряс континент, Европу и зажег прометеев огонь русским. До Байрона мы мылись вениками и читали Псалтырь, в зубрежке.

3. АВТОР "СЛОВА"

Не так-то уж, с байронизмом.

1187 г. "Слово о полку Игореве". Верлибр. Не ритм-проза Дафнис + Хлоя, сладостная, детский секс, нимфетка, козочка и розочка, мальчик и пальчик, — пишет зрелый муж, с оружием, автор войн по округностям границ народов-кочевников. Призывы князьям объединиться в золотое стремя и отомстить за Землю Русь, за раны Игоря. Русская земля мирно живет грабежами. У Игоря одна "рана", в плечико, стрелкой. Он с гигантской армией пошел в поход на половцев — разбит с позором, взят в плен. Объединение и месть

— предвосхищаем идеи Кортеса и Писарро. “Слово” исполняется под струны, крюковая нотопись. Ассонансы и ритмы. Внутренние рифмы. Разностопные стихи. Сны. Плачи. Грабежи. Сцены битв. Песни. Гимны. Шесть сюжетов. Звукопись. Ирония. Изощренная ритмоударность. Мужественный взмах коней. Живописания. Автор живет полноценной грудью. Не скальд, не Роланд, не византийство. Нет эротики. Нет слова Бог. Нет креста. Солнечное затмение. Лисы, орлы, шакалы. Это русский язык в красках крови. И все это — на 4-х страницах! Кто Автор, поющий в степи, где нет ни одного голоса? Откуда язык в стране, где до Автора нет ни одной поэмы, а после — еще 700 лет! — тоже ни одной?

Версия подделки, блистательной мастерской кн. Мусина-Пушкина и кн. Львова (конец 18 в.), нашедших много древнерусских текстов, или якобы нашедших. Или написавших палимпсест под влиянием Макферсона с его Оссианом. Ведь из написавших палимпсест под влиянием Макферсона с его Оссианом. Ведь из той мастерской одновременно со “Словом” выходит сборник Кириши Данилова — весь многовековой русский эпос, никогда никем не слышанный и не читанный. Сборник равен по мастерству Автору, но необычайно широк тематически: былины, песни, сказания, бытовые описания, мир тысяч имен! Неведомых никому. Лев Гумилев утверждает, что все это — перевод с каракалпакского. Но Мусин-Пушкин и Львов на виду и не каракалпаки.

Приведу и я контраргумент Автору. Кирилл и Мефодий изобрели славянскую азбуку где-то в 870 г., греки, монахи, по образцу византийского алфавита. В 1009 г. Ярослав Мудрый пишет “Русскую правду”, юридическую, на церковно славянском, смеси греческого и болгарского. Ярослав полугрек. В 1111 г. пишутся “Поучения Владимира Мономаха” на том же наречии, этот полный грек, грекофил и грекоман. Язык нелюдской, герметичный. Их переводят на русский через 400 лет. Каким же путем через 67 лет после Мономаха является Автор и пишется “Слово” — на животрепещущем древнерусском? Убийственный алогизм. С чего с ничего Автор создает гениальный язык? Ньютон появился не из пустот, а из механики. Дарвин от Линнея. Эдиссон от электричества. Отсюда же Автор и может ли быть “Слово” и не может. Но мы о мельнице: вода одна, а мельниц много. Жестче, жестче вопросы.

Может и не может.

Вначале было СЛОВО и это СЛОВО было БОГ. Туманы, и опять аксиоматика. Бог — это слово, или слово — это Бог? Не разберемся, не теологи. Зевс родит Афину-Палладу из расколотой моло-

том головы. Неанатомично. Евреи приехали на ковчеге на Арарат и ходят по землям в позе армян⁶? Истоки легко найти всюду, у французов к примеру нет проблем: что-то не так — ищи женщину! Шарик Зем. вертится у Бога меж ног, как шар, полный семян, потом Тот его стряхнул и мы строим социализм с человеческим лицом. Биологично. А лицо для чего? Чтоб бить по морде? Бьем. Я — выходец из капуст и пою Лилит. Почему не Александрию?

Ньютон появился не из пустот, а в саду, глубоко мысля. И вдруг с дерева упало яблоко и стукнуло его по голове, и, описав дугу, упало на землю, звеня и подпрыгивая. Ньютон осенен: всякий предмет, к-рый падает вниз, не кружит, как коршун, а летит на Землю. Так возникла теория притяжения Земли. Подними нос и отпусти, и он опять упадет на Землю. Взойди на когтях на скалу и вспорхни — планировать не будешь, грохнешься оземь; гравитация. Замечательный — закон! Сколько школ и академий нужно пройти, профессор, чтоб стать композитором теории гравитации? Ни одной. Ходи по саду и стукнет. И многих, много голов избиты яблоками за 30 млн. лет до Ньютона, и ни одному не пришло в голову, что это-то и есть гравитация. Может, и меня стукнет "жизнь", или сорвется с цепи Луна и даст по башке, и я не допишу эту статью, такую многозначительную! Торопись и не медли! — подбадривает невесту Катулл Веронский. Продолжаем.

Мэри Эннинг, девочка 11 лет, выбивала из шотландских скал аммониты, молоточком. И продавала туристам. На хлеб-соль-мед ей хватало. Как-то вместо аммонита она выбила из скалы ихтиозавра. Повезла на телеге в Королевскую Академию и ей дали много шиллингов. Она купила дом для семьи, и тем молоточком стала выбивать из скал и выбила дино-стего-бронто и мн.др. завров, скелетики, ни один не попортился. Девочке Мэри Эннинг принадлежит честь открытия истории археологии Земли. А великий Кювье — кто? Аргументы это, или нет? Я не учитель чучел.

Уж после Мэри Эннинг построили "Бигль" для Ч.Дарвина. Дарвин усажен в каюту и пьет в гамаке морской ром. Когда же "Бигль" швартовался в экзотических бухтах, ученый ловит сачком обезьян и они пьют то же пойло. После морского рома у них (Ч.Д. и обезьян) появляется сходство и единомыслие. А главное — тот же облик! одинаковый! Ч.Дарвин тут же трясет мир: обезьяны — человекоподобны, человек в процессе эволюции произошел от обезьяны. А от кого в "процессе" произошли обезьяны и почему у них нет "эволюции"? — от человека, видимо. Объяснимо.

⁶ Это выводы Гиглера, "Mein Kampf".

В России всегда ненавидели поэтику, а точнее — артистизм. Кн. Ольга (9 в.) зарыла живьем в землю, в канаву — волхвов. Иоанн Грозный запер у себя на дворе лучших скоморохов страны и натравил на них 300 диких медведей — съели, с косточкой. Петр Первый писал по-голландски, а русские книги и иконы с всей Империи везли возами в Санкт-Петербург и на хворосте — жгли. Мы гордимся этой самобытностью, — не стоит. Во всех странах при каждой “новой идеологии времени” — жгли, жгут и будут, это норма. Но есть и отличия: в книгохранилищах СССР до сих пор лежит 2 миллиона рукописей и книг, никогда никем не читанных и не разобранных. Их никогда и не прочитают, если у нас сейчас 3 специалиста по древнерусскому языку, академики Д.Л., В.Д. и А.П. — три персонажа на 300 млн. чел. населения. И еще: мы твердо убеждены, что за 1 тыс. лет Рос. империи были варяги, потом Грозный и Первый, предтечи. А потом сразу же — Декрет 1917 г., от него и датируется настоящее время. История — сверхсекретная тема в русской истории. Тут, мне кажется, мы неоспоримые лидеры цивилизаций. И если Автор “Слова” сверкнул, то и то анонимно. А в 2-х миллионах музейных папок сколько может быть авторов? И прибавлю, Западу: а вдруг найдут Атлантиду и раскопают Сибирь? Что начнется? Не будем ли стукаться головами и мой дифирамб Александрии не будет ли преждевременный?

4. ОТ АЗБУКИ К ЯЗЫКУ

Итак, под аккомпанемент лиры де брачио Леонардо да Винчи, листая его же графику латинского алфавита, мы подходим к Русской Азбуке. Открываем.

И Европа, и Россия наследуют античную метрику. Но Рим соседствует с Грецией, модифицирует ее богов и переходит незаметно к латинским начертаниям. Россия в один день заимствует у Византии и религию, и алфавит.

Европа создаст из христианства религию подъема культуры, торговли, финансов и юрисдикции — Римский католицизм. Россия безоговорочно берет религию упадка Восточной Империи (изоляция, сектанство, нетерпимость) — православянский византизм.

Католицизм — религия индивидуализма, энергии, конкуренции. “Я принес вам не мир, но меч”. Чего стоят блистательные ряды пап из рода Борджиа и Медичи. Император Карл идет на поклон к Папе, в одиночку, через Альпы — с непокрытой головой! Патриарх всея Руси — жалкая ложка (правда, большая!) при царе и лижет ему

туфли с завитками. Святейший Синод — “Всеппянейший Собор”, как Петр Первый точно пародирует православиянизм.

Католицизм открыт для коррекции — религиозных войн по всей Европе, появления региональных фигур (Гизы, Лютер, Кальвин), многообразию ветвей и фракций. (св. Франциск Асизский, св.Августин) и даже женскому движению — св. Кармелита, св. Тереза, св. Агнесса. Православиянизм — иерархия монолита, где нет ни одного имени, ни одной ветви, ни одной фракции, ни мужской, ни тем более женской. Религия инерции, надсмотрщики рабов, где на каждой нарукавной повязке написано: “Если тебя ударят по правой щеке, подставь левую”. Православиянизм канонизирует “святых” по спискам: цари, чиновники департаментов, функционеры Святейшего Синода и монашеские чины, прославившиеся самоистязанием, или же исполнительностью. В общем — служба. Служба Царю, служба в Церкви. Отсюда — изоляция, отрицание всего, что не МЫ, а Мы — Самодержавие, Православиянизм и Народность. Отсюда — “монгольское иго”.

Средняя Азия с арабской, персидской и ново-мусульманской культурой встречает Чингиз-хана дамасскими клинками Хорезма, длинными и убийственными луками киргизов, копьями зеленых знамен ислама — узбеков. Бои были бесстрашные, технология сражений высока. В бой шли эскадроны таджикских верблюдов, одетых в железо, одним копытом убивающих льва, или монгольский авангард. Конница черных всадников туркмен на высоких арабских скакунах длинными саблями косила пеших татар. Легковесные каракалпаки арканили низеньких татарских лошадок. Лучшая в мире гвардия Чингиз-хана — темуджины и уйгуры с главнокомандующим корпусами Субудеем 6 раз брали Самарканд. Бухару разграбили, но не победили. Хива не сдалась. С уходом монголов в Россию началась новая и жесточайшая война в тылу.

Радостно возбужденные достойными соперниками и награбленными драгоценностями, шелками, коврами и парчой, монголы ожидали того же и дальше, в России. И увидели: отряды, одетые в собачьи шапки-треухи, в лаптях, на клячах, без стремян, с вилами, дубинами, грубыми ножами и сучковатыми стрелами. Сражений не было. Нет, одно: на Калке, уже при Батые, с княжескими войсками в золотых шлемах и таких же кольчугах. Батый был так изумлен, что у русских нет железа, что приказал снять золотые шапки и свитера и бить по щекам (хан знал заветы!). Сняли, били. Заняли Россию массой, но из-за отсутствия городов и продовольствия тотчас же и ушли, не тронув ни церквей, ни теремов. Они в первый раз встретили

народ, добровольно подставляющий щеки. Ясак! — и назад, в Монголию.

700 лет безмолвия этой страны не могли дать языка. Русская метрика заговорила при Тредиаковском (18 в.) Императрица Анна секла розгами на конюшне этого первого гекзаметриста. Потом секла его Императрица Елизавета. Но тут ударил гром Державина, громкий. При “просвещенной” и “либеральной” Екатерине Второй Державин уже возможен. Он первый вынул из-под пресса драгоценнейшие пласты русской речи, строит свое Адмиралтейство, от фундамента до купола, нагружает его ритмикой, рифмой, строфикой, — одним словом, тут хранится весь опыт антологической и европейской метрики. Многозначно! Державин — первый поэт и Учитель нашей литературы. Но как всякий титанид, он нечеловечен, громок, косноязычен и архаик. Ему немедленно нужен ученик, и не сын, а внук поколения.

Время илет в ритме монументальных армий Наполеона. На Россию шли штыки 12-ти стран, а с ними и конец летаргии. Наполеон, этот гений энергии одним шелчком перчатки разбудил спящий регион. Ну что ж, Бородино показало и силу народа-солдата, но важнее того — открылся гений пятнадцатилетнего мальчика с веселым Именем Пушкин. Пушкин — редкость мира, он молния, Наполеон русской письменности. В 15 лет с легкими лестницами он захватывает Адмиралтейство Державина, снимает со стен самые драгоценные реликвии, выбрасывает в Неву басовый ключ ледовской мелики, и с курчавой головой, свесив ноги с подоконников, играет на скрипке и флейте. В 20 лет запускает поэму “Руслан и Людмила” — как разноцветную ракету — в знаменитейшего Жуковского, впитывает его цветы и росу и отстраняет Учителя-2 от должности. К 30-и годам Пушкин — признанный Империей изобретатель нового русского языка. Пушкин — наша гармония, мастер любого метра. Теперь отсчет народа пойдет “от Пушкина”. Пушкин — наше солнце.

Пушкин — чистой воды бриллиант-анакреонтик, живет он в Эллале, а не в Николаевской России. Его моцартовская одухотворенность не вписывается в народную демагогию императора Николая. Любовник ветренный, шампанский нервноподвижный, наездник, картежник, его высший Дух, генетичный и обоюдоострый, сталкивается с реальностью: царь-цензор Николай женит поэта, и вот уже 32-х летний муж и отец 4-х детей Пушкин — юнкер при Николае, он бросает стихи и идет в архивариусы (опять же при Николае), не выдерживает, берет пистолет и стреляет в первого попавшегося Дантеса. Но пуля попадает в Пушкина. Россия лишается поэтов на три

четверти века, но пушкинской школой живет вся проза 19-го ст.: Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Лесков.

5. ДЕКРЕТ-1917 Г.

У криминального элемента есть термин "круг", "обшак". Убивает один, отвечают все. Убивает один, но в льющееся кровью тело вся группа втыкает ножи; каждый. У юристов это звучит "крутовая порука". Круг рук начал с Азбуки.

Аз — первая буква русского алфавита, означает Я с высоким венцом: АЗ, АЗ БОГ, АЗ ЦАРЬ, АЗ ПРОРОК, АЗ ПАТРИАРХ, АЗ ПУШКИН. В массовом же употреблении АЗ просто "а". А впрочем любой мог сказать: АЗ — ЕСМЬ! Я — еСТЬ! АЗ вычеркнули и оставили ни к чему не обязывающее "а". Аморфное "а" может сказать и немой. Еще: большинство букв Русской Азбуки имели числительное значение. АЗ — единица, 1. И вообще все числительные значения букв уничтожили, как излишнюю роскошь.

Большинство букв Русской Азбуки имело и названия, к примеру:

Б — БУКИ — боуки, т.е. буквы. С букв сняли значения и оставили строчное "б". А строчное "б" уже вне филологии личности: это может быть и баба, и барабан, и бомба, и баланда, и балбес, но не БУКВЫ.

Г — имело название ГЛАГОЛЬ. Никаких глаголений, вычеркиваем, пусть будет "г" — гад, гнида, говно, гудок, гопля, горох, график.

Д — ДОБРО. Было 9 значений, все сняты, осталось вечное, строчное: дурак. И производное — дурында, это что-то прессованное из шелухи семечек, гороха, конопли, также дурында — ласковое обращение к женщине.

Е — ЕСТЬ. Я — еСТЬ? Отнюдь. Значение вычеркивается и остается "есть", еда. Правда, потом они и еду вычеркнули и оставили "еСТЬ!", солдатское, мне командуют, я стучу сапогами и кричу "еСТЬ!" — подчиняюсь.

Ж — ЖИВЕТЕ. Вычеркиваем. Никаких жизней, многовато. Оставим голос ж: жопа, железо, жмых, жила, жетон, жлоб.

З — ЗЕМЛЯ. Употреблялось, как земля, отчизна, одушевленное. Осталось: земля — планета, аппарат материи.

И — имело 17 значений, в женском роде ласкательное мати. Снято. Никаких ласк, борьба. Оставим мать со всем исходящим отсюда матом. 15 значений снято, осталось 2: союз и междометие.

Л — ЛЮДИ. Люди уехали, “товарищи”, “трудящиеся”. Л имело пять значений, осталось 2: лук и липа — овощное и сомнительно-древесное.

М — МЫСЛЕТЕ. Я-то сейчас понимаю, что это слишком. Декрет понял тогда и разумно вычеркнул эту дурь: МЫСЛЕТЕ.! Осталось просто “м”: макароны, метла, мерзавец, мулак, мешок, мука (и “муку” вычеркнули, заменив мамалыгой).

О — ОН, божественное, подобное Я. Осталось нарицательное “эй ты, он!” Никто.

П — ПОКОЙ. Еще А.Блок после декрета написал в поддержку: “И вечный бой! покой нам только снится”. Осталось строчное “п”: паспорт, папка (канц.), пуля, петля, плакат, победа, перестройка, палец о палец (не ударить), первач (самогон), подлец.

Р — РЦИ, изрекай, пророчь. Предупреждали же, что вычеркнуто, нет, изрекали, пророчили, пришлось применить меры пресечения, неологизм в “расход”. Остались на “р”: ружье, рот и ряд.

С — СЛОВО. Не боги, обойдемся без слов. Снято. Оставлено “с”: сука, свистун, сволочь, связист, снаряд, свеча, станок, страх, стена.

Т — не имело названия. Единственная буква, у которой не сняли, а дали название: Т — ТРУД. В лагерях и на заводах стояли плакаты на фанере: “Труд — дело чести, доблести и геройства”. А в аптеках и сейчас плакаты “Труд — лучшее лекарство”. Оставили и еще одно слово на “т”: труп.

Х — ХЕР. Снято название буквы, но “хер” — одно из любимых слов советского языка.

Ч — Червь. Название снято, но непонятно, почему, ведь червь, черви — самое популярное слово, охотно применяется ко всякой личности и группе.

А теперь об эстетике Азбуки.

Ъ — ЕР, твердый знак. Ставился после каждого слова, независимо от его принадлежности, имеющего окончание на согласную: и Богъ, и кнуть, и дубъ, и такъ, и Федоръ, и т.д. Это укрепляло слово, обособливало его, но важнее: в написанных фразах давало графическое пространство для чтения, для глаза. Глазу был дан отдых на странице. Вычеркнув “ер” из Азбуки, экономят бумагу, но у текстов промежутков нет, сплошной, нечитаемый, шрифтовой, ряды и колонны букв.

Еще о графике. Было три написания Е: просто “е”, Е и Ё, разноупотребляемых, в 27 нюансах и значениях. К тому же сам ри-

сунок Ъ украшал страницы, как и Ъ. Снятие “ять” и “ер” сильно снизило потенциал письменной речи.

С ампутацией речевого, слухового и зрительного аппаратов механически и резко переиначились фонетика, морфология, синтаксис, орфография и пунктуация русской речи.

Русский язык снят, включен советский язык.

Не трогая святые маски из Мавзолея и корифеев советского языка, опростимся: лучше их всех пишет простой советский писатель мл.сержант от инфантерии В.И.⁷

“Россия пошла по своему пути — всеобщего единомыслия. И мы, советские люди, впервые договорились между собой, говорим на одном, понятном для всех нас языке, мыслим одинаково о главном в жизни. И этим единомыслием мы сильны, и в нем наше преимущество перед всеми людьми мира, разорванными, разобщенными разномыслием”.

Я же писал о Ъ. Вычеркнуто, осталось одно “е” во всей его простоте и однозначности: “единомыслие”.

Я — была первая буква Русской Азбуки, стала последней “я”, нечто безличное, вроде номерного знака арстанта на переключке:

— Номер 299.999.999?

— я.

Вместо Русских Людей появился “советский народ” — МЫ.

Мы говорим и пишем на советском языке.

6. ФУТУРИЗМ

алюминиевый гусь с дворцовый герб и гимн империи пушкин
четыре поколения мэтров рвали из него перья звонко-клавишной
гармонии а он водил вокруг засахаренными глазами гипнотическими
пароход современности вез по волге из курсуня с кавказа мо-
лодежь с медными щеками в цилиндрах с нарисованными самолети-
ками на лбу и под чирикание часек сбрасывали с мачты вниз в набе-
жавшую волну винную в пузырях александрийское бревно с курча-
вым тучелом на вершине

ничто не мешало этим смехачам ни тупые волны власти ни
царь ни полиция ни народ дуреющий на берегу от семечек помидо-
ров и дынь

они выдумывали аудиторию и аэропланы ставили фут-оперы
снимались в кино рисовали шрифты гремели голосами повсюду пе-

⁷ В.Ильенков, роман “Большая родня”.

чатали книги на обоях без издателей это поэтика высшего вида от-крытой жизни

серебряный век слюнявит лица с культурностью с туфлей с поэтами на тазобедренных суставах футуризм не боится идти по грудям девушек и вместо эlegantности кричать девственнице maria дай или же дайте любую красивую юную себя не растрачу возьму изна-силую и в душу насмешку плюну ей

алексей крученых компас он автор слова заумь и формулы за-умный язык и это не эпатаж на самом деле крученых считает что по-эт имеет право на язык изобретенный лилия прекрасна но название ее пошло а сама затасканная крученых обновляет называю лилию суы создает род концертного речетатива с чтением выюги волчьих когтей верещанья крыльев ласточкоподобных его заумь от древне-русских заклинания змей и ведьм плясовых стержней марионеток крученых же начинает свой манифест дыр бул шыл убешшур мая-ковский декларирует есть еще хорошие буквы эр ша ша сравним ав-тор слова о полку игореве боян бо вещий аще кому хотяше и т д

хлебников пишет поэмы в палиндромах и создает время чисел поворачивает от слепых схем эллинизма к естеству былин плачей вил леших и тавромахии широко разрабатывает корнесловие славян-ские мифы

футуризм изобретает безразмерную строку разностопную где каждая строфа имеет другой ритмический рисунок их поэмы не мо-нотонные соло классики а оркестр с отдельной оркестровкой хлеб-ников маяковский цветаева поэты полной азбуки пушкин же остает-ся цветущим жасмином элэмэн

маяковский на все что сделано ставит нигиль версты улиц взмахами шагов мнет эй вы небо снимите шляпу Я иду урбанист картежник биллиардист вино револьвер ликер женщины сделал по-этику без строф безразмерной лестницей открыл русский дубок на-родный театр мистерии и буффонады скоморошество говорящие куклы его трагизм и потрясает неподдельностью а космогонии Я не-обычайны по лобачевскому

пастернак эзотерия цветовая музыка скрябин звукопись на пылающих экранах медитации ритмики ветер и пули соловьев птицы птицы птицы мистический захлеб лирики он вану сестру как вак-ханку с амфор поднимет с земли и использует

цветаева от альбомной лирики в крученых пятый гений футу-рум первый гений мира из поэтисс александрийка и божж скандиро-вание юродство истерия звон здоровья фетишизм жизни и метрики драматургия конца и дебют смерти снайперский абсолют формул и

конец на веревке отчаянный и нескончаемый не стихотворения а пульсация логаядическая

футуризм русское русло басовый ключ желудевый дуб конница с славянскими глазами но не региональная школа а вторая александрия мировой метрики вокруг них уже сформировались многотысячные фланги поэтики они недооценили Декрет-17 они давно писали без ятей и знаков препинания и приветствовали прошло эн-эн лет у каждого и декрет не ограничил себя языком а реформировал и поэтику

От биллиона размеров советским поэтам оставлены два:

ямб: Артиллеристы, Сталин дал приказ!

хорей: Веселей, солдат, гляди!

В лирических ручьях⁸ оставлен один ямб, о четырех стопах:

Любовью дорожить умеите!

Быть знаменитым некрасиво!

Не позволяй душе лениться!

Как учит! Кто этот поэт? Нет, их три: 1 строка — Шипачев, 2 — нео-Пастернак, 3 — нео-Заболоцкий. Как целомудренно, скромно.

И только гимн СССР после яростных "нет!" в Политбюро ЦК разрешили написать амфбрахиом: "Союз нерушимый республик свободных!" А ведь первоначально хотели сделать гимн хореем по Декрету: "Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!" Не плохо, правда? Хотя смысл и тот же. Но хорей звучал подозрительно лирично, а "Союз нерушимый" конечно же, фундаментальной.

Запрещена строфика: рондо, октавы, фаблио, терцеты и т.п. и т.п. Разрешают поэтам только 2 строфы: параллельные — это такие рельсы по пути в светло-будущее:

Артиллеристы! Сталин дал приказ!

Артиллеристы, зовет отчизна нас!

и перекрестные — это такие прямоутольнички "для народа", чтоб в обеденный перерыв на заводе "забивать козла".

Смело мы в бой пойдем

За власть Советов.

И как один умрем

В борьбе за это!

⁸ Запрещены сексуальные мотивы, грудь упоминается только мужская. Все-таки я видел плакат, где изображаются ряды женщины, вставленные в солдатские сапоги, но с голой грудью и с винтовками. Надпись: "Мы грудью двинем на врага!" Не знаю, что с автором.

Верлибр запрещен под страхом расстрела. Переводят советскую метрику исключительно на рифмы:

борьба — судьба, пойдём — умрем, приказ — нас, любовь — кровь, человек — век, народ — вперед, коммунизм — жизнь, Ильич — клич, еда — вода, день — тень, ненастье — счастье, дома — тюрьма, мой — твой, илти — по пути, лед — взлет, мир — вампир, мы — умы, они — одни, свет — побед, хлеб — нелеп, Родина — смородина, ура — пора.

Затем пошли реформы гласных и согласных: *i* сняли, *e* сняли, ввели *й*, *ш* стали писать в разбивку *сч*; заменили *e*: *a* и *o* поменяли местами. Из неологизмов оставлены только советские аббревиатуры, к примеру: ВНИИВСХЛПОЦЗ⁹.

Из языка исчезли родовые бутоны, синтаксис превратился в знаки препинания, библиотеки Великого Десятилетия (1907-1917) вывозят на грузовиках, книги, стоящие как скалы — жгут, склоняют их — к ноге! А “поющая речь” — словарный запас советского поэта 300 слов. Язык стал инструментом госаппарата — некрофилии и некрофагии.

Первым закричал от ужаса Александр Блок. Он кричал и кричал 4 месяца и умер, разорвав себе аорту. Он не мог писать на этом языке.

А футуристы, дети Лилит?

певец амазонок и гилеи эолова арфа хлебников изгоняет себя из столиц жил на железных койках питался овсом из котелка пишет революция тысячам тысяч свободу дала милое дело долго будут помнить об этом но сарказм недолог он умирает как стриж на соломе от холеры чумы дизентерии от голода и истощения.

маяковский не изменил метрику и лексику более того он изобрел советский язык в литературе рифм ему двадцать четыре года генерал армии-фут и стратег рисует окна роста лавирует передвигая войска 13 лет он спасает футуризм под масками лефа-рефа собирает сторонников во Франции Германии США Мексике и в конце концов пишет апокалипсис во весь голос заряжает револьвер и разряжает его в левый бок.

А еще, а школа?

нужно отдать должное сбросив пушкина с парохода они бесстрашно сжигают свои корабли гибнут в один день как божидар стреляет себе в голову падают под пулями кожаных тужурок как силлов и альвек и терентьев или сжигаются в паровозных топках красными

⁹ Всесоюзный научно-исследовательский институт вопросов сельского хозяйства и лимитов полноценного освоения целинных и залежных земель.

звездами как чернов или уходят в туруханский полк или в немоту как 2-ой и 3-й председатели земного шара Петровский и Петников или исчерпав все патроны метательные ножи и абордажные крючья залегают на дно как крученых или 30 лет погибая от ТВС последним взмахом грудной клетки выдыхают земле новый огонь как асеев — вэес или как лили брик балерина актриса и скульптор утренняя звезда футуризма кружит сердца огнем и мячом и они охотно горят и не бьются живет заложницей еще 50 лет не выдерживает пишет последнее письмо мне любите меня еще хоть немного как тихо плачет и кричит ребенок берет таблетки и кончает с собой.

Пигмалион лепит скульптуру ню, с моделью. Но модель гола, делает стойку как собака, с поясницей, изгибаясь тазом, а Пигмалион решает свою сверх систему идеи женщины. Готово. И, оказывается, у него духовно-половой инстинкт, но не к ню, а к скульптуре, под воздействием этой силы муляж оживает. Мало того, он дает ей имя (Галатея) и они живут в ненормированной любви.

Повторимся: художник при помощи пилы, молоточков, резьбы сооружает из камня куклу, оживляет ее, живет с ней и ни с кем другим. Эллин.

Но апокриф гласит: у Галатеи с появлением имени возникает и Я, и комплекс, что сделана искусственным осеменением, или же генной инженерией, два З и одно В — злоба, зависть и враждебность к создателю, в частности на ложе, при актах и оргазмах он любит, она позирует.

А рядышком ученик, юноша, взятый уж после подметать пол и гладить утюгом нижнее белье. Он не носил помой с этой свалки воскресения, не точил зубила и не сверлил ей центрожизненную точку тела. Не свидетель. Галатея считает свою точку талантом (и она права), и хоть автор и Учитель — Пигмалион, она отдается ученику (контрольный тест!) и убегает с ним.

Ученик, конечно же, недоучка еще, не знает художественного творчества, но у него в руках (в ногах!) прелестнейшая женщина, и они резюмируют: "Пигмалиону что, он мэтр, мастер, ему нетрудно, он еще слепит!"

Он-то слепит!

Но в Афинах до н.э. обычай делать богинь не из мрамора Каррары, а из драгоценнейшей слоновой кости. Бивни везли из военизированного Египта, с риском. Слоновая кость по теплоте и цвету далеко превосходит телесность гражданок. Произведения поручались, скажем, Фидию или Праксителю, т.е. только божественным, а тут вот — мифологическому Пигмалиону. Он и рубил, и клеил кос-

ти, и сверло вонзал там, где это бывает. Добившись приятного вида статуи, женился на ней и жил бы с ней, как хочется, до конца. По смерти скульптора ее ставили в центральное святилище, предположим, в Пантеон, или в Дельфы. Прикасаться к ней посторонним запрещается. Украдший статую у живого мастера — считалось святотатством, а вступление с нею (вора!) в любовную связь каралось смертной казнью, по суду Ареопага. Оскверненную статую сжигают.

Я сказал все. Статуя сожжена, реанимации не подлежит. Русского языка нет. А советский язык? Есть. Говорим. Пишем. Инфигитивы.

Но был и Рим со своей латынью, звонкой. Рим растлили варвары, наречиями. И уничтожили христиане — Декретом Креста. Латынь смело. Латыни нет. Но явилось Возрождение, запел блистательный итальянский. Но к приходу Возрождения потребовалось 1.500 лет. Вынесем ли МЫ такой срок, как римляне, чтобы дать даты блистательного будетлянства?

Не компетентен. Я пишу статью, а не заклинаю змей.

7. ДОРОГАЯ ЛИЛИАН!

Вас интригует письмо, где я говорю о русском и советском языке. Какая разница между ними, ведь и то и то вроде бы русское. О да, но отнюдь. Хорошая бутылка вина и бутылка хорошего вина — все же большая разница.

Или же — как строился Египет? Египтянин встает на пирамиду, зажигает спичку и перемигивается огоньками с тысячами египтян (сигнализация!), сообщая им всевозможные подробности своих господей. Но нужно, чтоб в Египте всегда была черная ночь или затмение солнца — чтоб видеть огоньки. В Египте же наоборот дни, посыпанные песком и всегда солнце без затмений. Нет, видимо в Египте необходима письменность, чтоб обмениваться юридическими актами (хотя бы!), чтоб из конца в конец Египта носились колесницы и голуби с письмами и документами. Египту требуются поэты, а то он оглухонемет.

У глухонемых нет и не может быть ни единого поэта — они не слышат слов. Нет ансамблей, Орфея, Тальмы, Нижинского — они не понимают мотивировку ритмов, тахітум — компиляция рук, ног, шей, щек, двигатели тела, но это семантика. Работая членами, они объясняются друг с другом, не шире. Еще они гудят. И — интуиты. Они — великие люди, особенная каста, замкнутая на ключ и высокоорганизованная. Адептов речи у них нет. Нет философов, нет по-

литиков. Такая цельная община — Россия — держится 1.000 лет и смотрит на губы говорящих. А говорящие? Поэты? Зазвенел один, через 700 лет пять, еще через 100 — десять. Русской литературе всего 200 лет. Вот и еще перерыв в 77 лет, и сколько он протянется?

Согласимся все же после долгих колебаний, что высший выразитель языка — поэт, так уж случилось по Истории, и ничего тут не поделалось, придется смириться с фактом. Да это подтверждает и наш советский опыт, он континентален: 50 лет из года в год все страны празднуют дни смерти Ленина и Маяковского, Пушкина — 2 раза в год вот уже 200 лет! Учтите — это государственные праздники. Не плохо? Еще бы!

Я живу, как глухой орел с двумя головами — летаю в Стокгольме, Нью-Йорк и к Вам в Марсель. Мой друг и переводчик Jean Mignot привозит мне ленты для пишущей машинки “Гермес Бэби”, а друг из Бруклина Philip Wallick шлет мне на Новый Год в посылках сухие супы и шоколадку. Мы это здесь и едим¹⁰, в кастрюле. Я третий месяц копаю болото и ношу землю, Нина из нее строит грядки, уже собрали лук, кабачки и огурцы. Скоро созреет картошка. И редька! И брюква! Зима будет замечательной с таким разноформенным рационом. Пни от дубов не выходят из моих рук, вырываю их, как зубы драконоидов. Тело стало отточенное, лицо цельнометаллическое. Правда, машинка сломалась окончательно, и вечерами при лунном диске пишу рукой. Наши газеты, радио и ТВ говорят, что в моем виде сбываются футурологические идеи Маяковского: землю попашет, попишет стихи.

И я не размениваюсь по мелочам, и не пишу о языкознании, а лечу сразу высоко: вот этот поэт, вот этот декрет! К сожалению, конечно же, я не структуралист, у меня нет способности рассматривать камень, отмечая его минералогические свойства в подробностях и терминах. Я вижу камень и тут же “рисую” его образ: беру лом, вынимаю из болота, несу в дом, строгаю и пилю на части, чтоб было чем топить печь от холодов и сквозняков. Метафорист я.

Я может быть не ответил на Ваш прямой вопрос о разнице между советским и русским яз. Вместо аналитических координат я проследил источники огня в картинках, как мне видится, от Лилит до Лили Брик. Я посылаю статью Вам, это Ваш заказ, да и последние мои вещи во Франции печатаете только Вы и Жан Жак.

24 августа 1994 г.

¹⁰ А что же ест Михо-сан, наш котенок-киска, подаренная японкой? Жуков, птенцов, вороньи яйца — японские блюда. Мышку ей еще не поймать, носится по полям, как огнецветные пляски.